

«Сейфуллин окулары – 16: Жаңа формациядағы жастар ғылыми – Қазақстанның болашағы» атты халықаралық ғылыми-теориялық конференциясының материалдары = Материалы Международной научно-теоретической конференции «Сейфуллинские чтения – 16: Молодежная наука новой формации – будущее Казахстана. - 2020. - Т. II. - С. 158-161

СОВЕТСКИЙ ТЕРРОР: КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И НАСИЛЬСТВЕННОЕ ОСЕДАНИЕ КОЧЕВОГО АУЛА

Ауесхан Д.

Как известно, идея коллективизации с самого начала была дискредитирована жесточайшим тотальным террором. После свертывания нэпа все условия жизни в то время определялись строжайшей нормой. Особенно трагическое положение переживали села и аулы. Принудительная сплошная коллективизация на основе ликвидации кулаков, баев как класса разрушила производительные силы деревни. В стране не хватало продовольствия, существовала карточная система снабжения населения. В Казахстане создание колхозов по инициативе первого секретаря Краевого комитета партии Ф. И. Голощекина предусматривалось приурочить к решению проблемы массовой оседлости кочевых и полукочевых казахских хозяйств. Для многих это стало неожиданностью.

Свои замыслы Голощекин осуществлял на базе насильственной коллективизации, которая включала принудительное оседание и раскулачивание. Как утверждал Голощекин на VI Всеказахской партконференции 15 ноября 1927 года: «В ауле не было Октября, дореволюционные социально-экономические отношения почти не затронуты». Жестокая реальность - почти полная неготовность аула к чрезвычайной перестройке – тем самым игнорируется. Вся беспощадная правда приносится в жертву доказательствам объективной необходимости коллективизации в ее сталинской трактовке.

Партийные организации Казахстана вступили на путь организации коллективизации и оседания кочевого аула, не располагая самым необходимым: теоретическими разработками и соответствующими обобщениями и наблюдениями. Все делалось спонтанно, волюнтаристски, отсутствовал сколько-нибудь продуманный план действий, цифровые наброски, определявшие масштабы вовлекаемых в оседание, брались «с потолка». Да и сама идея «оседания на базе коллективизации» была высказана Ф.И. Голощекиным 9 ноября 1929 г., всего лишь год спустя после первого крупного удара по эксплуататорской верхушке аула (конфискации в 1928 г. Скота около 700 байских хозяйств).

Сплошной коллективизации предшествовал ряд постановлений ЦК ВКП(б), СНК СССР, Казрайкома партии и Казсовнаркома определивших как бы правовую базу «перевода крестьянских хозяйств на рельсы социализма». Для всей республики без учета уровня развития и разнообразия хозяйственного уклада казахского народа единственной формой объединения крестьянских хозяйств была определена сельскохозяйственная артель

(колхоз). Политика управления переходила от политики ограничения кулаков и баев к полной их ликвидации как класса. Идея экспроприации эксплуататорских хозяйств исходила из самой природы государства с его приматом классовых интересов.

Утвердилось крайне пренебрежительное отношение к кооперативной форме собственности и организации на ее основе производства. Идеи кооперирования начали проникать в Казахстан еще в 1925-1926 годы. Началось осереднячивание крестьян. При ярком сопротивлении баев и кулаков создавались первые сельхозартели и ТОЗы. Насильственная политика диктовала одно - «добиться полного высвобождения середняка из-под влияния байства, имамов и мулл... всех, извращающих директивы партии». Значительные средства и ресурсы имелись у нэпманов и кулаков, и поэтому большевики понимали: сделать это без прямого насилия невозможно. И приняли простое решение - ликвидировать кулачество как класс.

Ускоренная индустриализация требовала интенсивных финансовых вливаний, а сбор податей с разобщенных крестьян требовал много времени, труда и хлопот. Значит, надо много времени, труда и хлопот. Значит, надо было быстрым образом объединить их в колхозы и ТОЗы (товарищества по обработке земли) и обобществить их имущество. При сопротивлении, конечно же, применялась сила. В партии появились различные мнения по поводу развития сельского хозяйства. Сталин сумел навязать свою точку зрения, которая требовала абсолютного подчинения сельского хозяйства социалистической индустриализации.

Руководство коммунистической партии не хотело ждать терпеливо, приравниваясь к частникам, работать. Оно хотело быстрого результата и осуществления планов пятилетки – за три года. Для ускорения процесса Голощекиным была придумана политика «советизации аула» и «Малого Октября в Казахстане», направленная на разжигание классовой розни и на истребление народа.

С началом коллективизации и внедрением оседлости борьба партийно-государственного аппарата со своим народом перешла в новое русло. Голощекин игнорировал социально-экономический уклад жизни казахов, и по его настоянию II сессия КазЦИК приняла решение провести в кратчайший срок массовое оседание на основе сплошной коллективизации. Руководство было уверено, что «оседание является крупнейшим достижением национальной политики партии в Казахстане» и «нанесет сильнейший удар по байству в ауле». Проводилась она высокими темпами, ход ее строго контролировался лично Голощекиным, за его подписью доводились контрольные цифры. Крайком партии обязал окружком к концу 1930 года завершить коллективизацию полностью.

Принципы добровольности и элементарная законность не имели никакого значения. Сплошь и рядом на сельских сходах вместо обращения «Кто хочет вступить в колхоз?» - звучало «Кто против коллективизации?». В тех случаях, когда крестьянин не проявлял «доброй воли», к нему

применялись такие «воспитательные меры», как имитация расстрела, раздевание на морозе и вождение под конвоем по снегу через всю деревню, ледяные купания в прорубях. Распространенным было лишение избирательных и других прав. Рост кооперативного движения являлся главным экономическим препятствием усилению кулацкой опасности, кооперативные объединения при достаточной поддержке их государством должны были со временем перехватить инициативу у кулаков и баев в поставках основной товарной продукции - зерна и мяса.

Крайне тяжелыми последствиями обернулось так называемое раскулачивание, а точнее раскрестьянивание. В директивах, доведенных до местных органов, указывалось, что удельный вес ликвидируемых кулацких дворов не должен превышать в среднем 3-5 процентов крестьянских хозяйств. Но во многих районах подобного числа количества кулаков не набиралось. Однако на местах начинают подтягивать численность раскулаченных именно до верхнего предела. Подобные «достижения» имели очень простое объяснение: наряду с сугубо эксплуататорскими элементами раскулачивались зажиточные и середняцкие хозяйства.

Глубоко антигуманная идеология сталинизма многое объясняет и в той страшной трагедии, которая выпала на долю казахского аула. События здесь разворачивались в русле все той же пагубной идеи сверхфорсированной коллективизации, последствия, от реализации которой усугублялись извращениями по линии сельхоззаготовок и так называемого планового оседания кочевых и полукочевых хозяйств.

Руководство старалось распространить агитацию о том, что «нужно решительно усилить нажим на кулака и бая, на его упорное сопротивление ответить таким ударом, который бы привел к ликвидации кулацкого хозяйства».

Наиболее драматические события связаны с уродливой политикой ликвидации кулаков, баев как враждебного класса. Голощекин требовал от окружкома «провести зверский нажим на кулаков, баев, арестовать и конфисковать имущество».

Насильственное оседание, раскулачивание привели к массовому забою скота, уничтожению основных производителей хлеба, мяса отбросили назад сельскохозяйственное производство.

В 1929-1930 годы на большей части Казахстана случился неурожай и джуг. Несмотря на это, в ноябре 1929 года Центральный Комитет партии принял решение форсировать темпы коллективизации и перевод кочевых хозяйств на оседлость. Перед сельским хозяйством Казахстана была поставлена задача - начиная с 1931 года, сдавать ежегодно 1,6 миллиона тонн зерна. Таким образом, предполагалось превратить кочевников в оседлое население. Для этого в центре республики был создан специальный комитет по обустройству новых земель. За осуществление этого замысла с энтузиазмом взялись местные власти во главе с Голощекиным.

В большинстве из созданных весной 1930 года коллективных хозяйств, отсутствовали не только жилые дома, хозяйственные постройки, но и

необходимый сельхозинвентарь, а также пахотные земли. Не хватало кормов для животных, у многих согнанных в колхозы людей не было ни скота, ни личного имущества.

Ясно, что основная тяжесть по хлебозаготовкам пала на середняка и бедняка. Причем хлеб у многих был вычищен подчистую, до последнего зернышка. Обязательным планом хлебозаготовок облагались и казахские кочевые хозяйства, вообще не имевшие посевов. Они вынуждены были продавать свой скот и покупать зерно для поставок.

Такие действия вызвали справедливое возмущение крестьян. До недавнего времени причины этого объяснялись лишь злой волей кулачества, не желавшего «коллективизироваться» и «самоликвидироваться» в ходе хлебозаготовок. Но в основном ситуацию усугубляли неумелые, а иногда преступные представители государственных органов.

Перегибы в ходе хлебозаготовок, массовое возмущение крестьян заставили принять меры к исправлению наиболее грубых актов произвола и насилия. Голощекин диктует всем райкомам ВКП(б): «Крайком отмечает и другое безобразное явление, это отсутствие энергичной работы по выполнению хлебозаготовительного плана, прикрываясь боязнью перегибов, что означает правый уклон на практике...».

Однако хлебозаготовки в чрезвычайных условиях продолжались. В зиму 1930-1931 года на места стали поступать новые грозные указания заготовить хлеб «во что бы то ни стало». Тревожное положение складывалось и в животноводстве. С 1928 года началось резкое сокращение количества скота. Причины были различными. Здесь, и имевшие место эпизоотии, и джут, унесший часть поголовья зимой 1929-1930 года, и увеличение внутрихозяйственного потребления мяса ввиду нехватки хлеба, и распродажа скота в связи с необходимостью выполнения плана хлебозаготовок, который распространяли и на кочевые хозяйства, и увеличения год от года плана мясазаготовок, и кулацко-байская провокация по убою скота перед вступлением в колхозы. В резолюции хлебозаготовок от 14 января 1929 года говорится: «Отмечая совершенно неудовлетворительную сдачу совхозами и колхозами запроданного хлеба на корню, предложить окружкомам принять меры к немедленному изъятию хлеба, привлекая виновных в не сдаче к судебной ответственности».

Все эти действия привели к одному результату- катастрофическому сокращению поголовья продуктивного и рабочего скота,- основы благополучия и самой жизни шаруа и крестьян. Однако причины надвигающейся катастрофы руководство республики видело в одном - «злой воле» классового врага. Все просчеты в планировании мясопоставок, перегибы и ошибки ответственных органов, объективные и субъективные причины, таким образом, были сведены к вредительской деятельности кулачества и байства, а крестьянство, прошедшее якобы у них на поводу. Такой подход создавал условия для дальнейшего усиления нажима на него.

На заседании Бюро Казрайкома ВКП (б) от 11 октября 1929 года Ф.И. Голощекин говорил, что «...правый уклон - это нарушение законов советской

власти, а если это нарушение законов советской власти, то недостаточно снимать, а если вы сняли, то будьте любезны привлечь к судебной ответственности, а судебный аппарат будь любезен перестроиться на этой почве, потому что правый уклон это есть нарушение советской власти. Все это, товарищи не понято никем».

Применяя методы давления и «разоблачения», Голощекин глушил критику в свой адрес и адрес крайкома. Вместе с тем в период коллективизации он допустил крупнейшие просчеты, непростительные ошибки, которые привели к трагическим последствиям. Он не в состоянии был критически оценивать свою деятельность, прислушиваясь к советам своих коллег, к голосам коммунистов, трудящихся масс.

Причину разразившейся в республике трагедии он видел лишь в происках врагов, отсталости аула и «извращении партийной линии и политики Советской власти аульными партийно-советскими органами», т.е. виноваты во всем были мелкие чиновники, да и сами пострадавшие шаруа. Он также выдвинул «теорию» о том, что перегибы и извращения имели естественный характер, проистекавший из законов классовой борьбы, что при социалистическом строительстве издержки неизбежны.

Перегибы и извращения нашли свое отражение в повсеместном упадке сельскохозяйственного производства. Масштабы голода, вызванного перегибами в скотозаготовках и при обобществлении скота в колхозах. Были воистину страшными. Положение усугубилось неурожаем, которым в течение нескольких лет были подвержены хлебосеющие районы. Гонимые нуждой людские массы растекались по городам, поселкам, станциям, деревням и кишлакам с единственной целью - выжить.

Подводя итоги драматических событий коллективизации 20-30-х годов, хотим сказать, что, учитывая тяжкие ошибки прошлого, необходимо изучать и исследовать их объективно, более углубленно раскрыть предпосылки и механизм казахстанской трагедии.

Список литературы

1 Нурбетова Г. Кровавый террор: насильственная оседлость и коллективизация. – // Былые годы. - М., 2012.

2 Голощекин Ф. И. Казахстан в социалистической стройке // Партийное строительство в Казахстане: сборник речей и статей (1925-1930 гг.). М. - Алма-Ата: Государственное издательство РСФСР, 1930. С. 260-344.

3 Muratovna, B.A., Serikbayevna S.S. Legal culture of soviet Kazakhstan//Journal of Environmental Treatment Techniques.-Volume 8, Issue 1, 2020, Pages 319-322

Научный руководитель: к.и.н., ст. преподаватель кафедры истории Казахстана Габдулина А.Ж.